

# ПЕРСЫ И МИДЯНЕ

Уильям Куликан



Подданные империи  
Ахеменидов



загадки

древних

народов

# Уильям Куликан

## Персы и мидяне. Подданные империи Ахеменидов

*предоставлено правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=607965](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607965)*

*Уильям Куликан «Персы и мидяне. Подданные империи Ахеменидов»,  
серия «Загадки древних народов»: ЗАО Издательство Центрполиграф;*

*Москва; 2010*

*ISBN 978-5-9524-4789-9*

### Аннотация

В книге исследуется история могущественного клана персов и мидян, подданных империи, центром которой был дворец Персеполя. Автор представляет впечатляющую панораму зрелой цивилизации Ахеменидов – систему сатрапий, религию и завоевания, расцвет и падение империи. Раскрываются особенности развития искусства и архитектуры Иранской державы, эволюция луристанских бронз и других металлических изделий.

# Содержание

Предисловие	4
Хронограф	9
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	30

# Уильям Куликан Персы и мидяне Подданные империи Ахеменидов

## Предисловие

*Лев и ящерица, говорят, пируют нынче,  
Где торжествовал и пьянствовал Джамшид,  
И «дикий осел» Бахрам, великий охотник,  
По голове его ступает – но крепко спит  
Джамшид.*

*Э. Фицджеральд. Омар Хайям*

Ни одни руины Древнего Востока не повлияли на западный мир столь значительно, как развалины дворца Персеполя, стоявшего в горной долине на юго-западе Ирана, в родном краю клана Ахеменидов. Он был первым великим памятником их империи, который узнал мир. Именно в нем каждый раз в Новый год возобновлялось правление Ахеменидов, и со всех концов империи сюда стекались люди, неся знаки своего подчинения. Здесь Дарий планировал захватить Индию и Европу; здесь Ксеркс замыслил войну про-

тив Греции. После сожжения дворца Александром Великим о нем еще долго напоминали массивные 65-футовые колонны и лестницы. О руинах этих слагали легенды. Их знали как Тахт-и-Джамшид, трон доисторического легендарного иранского героя Джамшида, где он «торжествовал и пьянствовал».

В Средние века эти руины видели и восхищались ими такие путешественники, как монах Одерик Порденонский (1320), Иосафат Барбаро (1474), англичане Джефффри Дакетт (1520) и Томас Герберт (1628), немец фон Позер (1621). Более важно, что именно отсюда венецианский консул Пьетро делла Балле примерно в 1622 г. привез в Европу первый образец клинописи. Хотя должно было пройти два века, прежде чем удалось добиться какого-либо реального продвижения в дешифровке загадочного документа, заключавшего в себе вызов, раззадоривший ученых и положивший начало длительным, хотя и нерегулярным попыткам в нем разобраться. В 1765 г. датский ученый Карстен Нибур тщательно скопировал и опубликовал персепольские надписи. Вскоре стало очевидно их трехязычие, и в 1802 г., опираясь на свое знание древнеперсидского языка, сохранившегося в Авесте и литературе парси, немец Гротефенд сумел сделать исчерпывающий перевод клинописи Ахеменидов. Вслед за тем появился перевод Генри Роулинсона древнеперсидских столбцов из надписи Дария I на Бехистунской скале, а в 1851 г., лишь через несколько лет после того, как Ботта и

Лэйярд начали раскопки в Нимруде, Хорсабаде и Ниневии, появился его перевод аккадской версии той же надписи. Так, через древнеперсидский язык Персеполя дешифровали систему клинописи. Ключ к тайнам древней цивилизации Западной Азии был спрятан в Персеполе.

Именно делла Балле впервые назвал эти руины Тахт-и-Джамшид – он ничего не знал об их истинной истории, поскольку Персеполь недостаточно освещался в работах классических авторов. Но к 1625 г., как показано на прелестных гравюрах голландца Филиппа Анджела, руины были идентифицированы как Старый Персеполь. Эти необыкновенно точные рисунки отметили далекое начало полевой археологии в Иране.

О мидянах и Ахеменидах написано очень мало книг. Их история сложна, и на них непросто наложить ограничения времени и места. Во многих отношениях о личностях и деятельности царей-Ахеменидов существует гораздо меньше документов, чем о царях Ассирии и Вавилонии, и всем историкам приходится в основном опираться в своих исследованиях на Геродота и Фукидида. Работая над этой книгой, предназначенной для археологической серии, я сжато изложил исторические аспекты и сосредоточился главным образом на истории искусства и интерпретации документов, видя в них нашу единственную надежду на свежую информацию. В первых двух главах я постарался представить те стороны иранской археологии, которые кажутся существенны-

ми в происхождении культуры мидян и персов.

За помощь в создании этой книги я в особом долгу перед библиотекой Бэлье университета Мельбурна, сотрудники которой проявили великодушие и терпение, добывая микрофильмы недоступных в Австралии статей, перед Национальной галереей Виктории и Австралийским институтом археологии за библиотечное обслуживание, перед моей женой и мисс Э. Марсо за чтение и правку текста и перед многими коллекционерами, разрешившими мне воспроизвести рисунки материалов, находящихся в их частном владении.

Я благодарен за разрешение воспроизвести экспонаты следующих музеев: Метрополитен-музея в Нью-Йорке, Британского и Бруклинского, Лувра в Париже, Эрмитажа в Санкт-Петербурге, Музея искусств в Цинциннати, Музея изящных искусств в Бостоне, Художественной галереи Нельсона-Аткинса в Канзас-Сити, Института искусств в Миннеаполисе, Художественных в Кливленде и Сиэтле, Городского художественного в Сент-Луисе, а также господам Бюлло, Драйеру, Жиродону, Периссинотто и мисс Дж. Пауэлл за фотографии Персеполя, предметов из Археологического музея Тегерана и из частных коллекций, показанных на многочисленных выставках «Семь тысяч лет искусства Ирана». Я хочу засвидетельствовать благодарность супругам Аластэр Брэдли Мартин за фото 60 и Халилу Рабену за разрешение включить в книгу рис. 10а. Я признателен Ж. Менанту и его труду «Глиптика Востока» за рис. 54, издательству «Э.

Дж. Брилл» за рис. 9 и Берлинским государственным музеям, 1934, за фото 71. Наконец, я хочу поблагодарить Г. Шелли за рисунки карт (рис. 14, 21), выполненные по моим наброскам, Джона Уилшера за перерисовку капители колонны из Суз (рис. 24) и Джерарда Бэккера за создание упрощенного плана дворца Персеполя (рис. 26).

*У. К.*



# Хронограф

## ИРАНЦЫ В 1-М ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

1100–1000 – Новые поселения арийцев, пользовавшихся черной лощеной керамикой, в Северном и Западном Иране.

Начиная с 900 – Развитие царства Урарту вокруг озера Ван.

835 – Ассирийский царь Салманасар III получает вассальную присягу от 27 царей страны Парсуа (находившейся к западу от озера Урмия) и вступает в страну Мада (Верхний Загрос).

Примерно 829 – Урарту отвоевывает контроль над Манной и Мадой у Шамшиадада V, имевшего столкновения с вождями, носившими специфические иранские имена.

812 – 782 – Ададнерари III стремится поработить Мадай и Парсуа.

Примерно 730 – Тиглатпаласар III сталкивается с народом Парсуа в Центральном Загросе.

719 – Саргон II учреждает Центральный Парсумаш (Керман) как провинцию Ассирии.

715 – Дайукку (Деиок у Геродота), маннейский или мидийский вождь, присоединяется к Урарту в антиассирий-

ском союзе. Он захвачен в плен Саргоном и отправлен в изгнание.

712 – Укшатар (Киаксар I), непокорный вождь Северного Загроса, платит Саргону дань.

Начиная с 710 – Мидяне формируют обширное царство в Северном Иране.

700 – 650 – Народ Парсуа перемещается на юг в Парсумаш (Бахтиарские горы); в 692 г. Синахериб упоминает Аншан и Парсумаш среди своих врагов.

700 – 668 – Киммерийское нашествие. Маннеи восстают вместе с присоединившимся к ним скифом Ишпакаем.

678 – Теушпа, предводитель киммерийцев, уничтожает власть ассирийцев в Курдистане.

675? – Теисп (Чишпиш), сын Хакаманиша из Парсумаша, захватывает Аншан.

674 – Каштарити-Хшатрита (Фраорт, сын Деиока?) возглавляет коалицию мидян, маннеев и киммерийцев против Ассархаддона.

670 – Хшатрита захватывает Парсумаш и покоряет Теиспа.

660 – Ашшурбанипал отвоевывает маннейскую территорию.

653? – Хшатрита умирает, и в конечном счете ему наследует его сын Хувах-шатра (Киаксар II).

653 – 625 – Господство скифов в Западном Иране.

639 – В Парсумаше-Аншане место Теиспа занимает Кир

I; Ариарамн наследует Теиспу и становится царем Парсы.

625 – 585 – Киаксар II (Хувахшатра) правит Мидией; он завоевывает Ассирию в 612 г.

584 – 550 – В Мидии Астиаг наследует Киаксару.

550 – Кир II упомянут в хронике Набонида как царь Аншана.

549 – Кир II подчиняет своего двоюродного брата Арсама и после этого упоминается Набонидом как царь Аншана и Парсу (Парсы).

548 – Кир нападает на Астиага, побеждает его и опустошает Экбатану.

Начиная с 547 – Кир покоряет Лидию и создает империю Ахеменидов.

# **Глава 1**

## **Кузнецы и переселенцы**

В области Луристан, на юго-западе Ирана, на возвышенных долинах горной цепи Загрос можно разыскать остатки древней цивилизации, наиболее замечательной особенностью которой была развитая техника обработки металлов, особенно бронзы. Сама горная цепь, встающая стеной к востоку от равнин Месопотамии, разрезана современной дорогой Хамадан – Керман, пролегающей маршрутом столь же старым, как и поселения человека на этой территории. К югу от этой дороги форма местности, состоящей из ряда параллельных горных цепей и долин, протянувшихся с севера на юг, предоставляла открытый доступ нашествиям доисторических народов из областей Прикаспия и Кавказа и окольный путь на равнины Месопотамии. Из захоронений поселенцев в Луристане получен ряд ценных, главным образом бронзовых изделий, имеющих формы, выражающие вкусы их изготовителей, поразительно отличавшиеся от вкусов других древних народов Ближнего Востока. Знаменитые луристанские бронзы, впервые ставшие известными на рынке антиквариата в 1928 г., а теперь широко представленные в музеях и частных коллекциях, ставят значительное число проблем, относящихся не только к археологии и истории ис-

кусств, но и к истории религиозной мысли.

Теперь признано, что самые ранние из этих бронзовых предметов очень похожи на шумерские изделия, особенно найденные в эламских Сузах, на равнинах юго-восточнее Загроса. Остроконечные инструменты, топоры, листовидные кинжалы напоминают образцы из Суз, Ура и Тепе-Гавры, еще в эпоху ранних династий несшие на себе зачатки териоморфного орнамента, который всегда был особенностью луристанского стиля. Топоры с отверстиями для топорщицы и суживающимися лезвиями, найденные в Луристане, имеют близкие аналогии в эпоху ранней бронзы III в Тиль-Барсипе в Ираке, в Телль-Тайнате на Антиохийской равнине и даже в далеком Полиохни на острове Лемнос. Таким образом, они принадлежат к широко распространенному азиатскому типу приблизительно 2300 г. до н. э. Хотя следует сделать поправку на консерватизм луристанских кузнецов, и нельзя исключить, что такие ранние образцы могли происходить с территории Суз и, следовательно, имели там давнюю традицию, но об истоках луристанско-сузского оружия в 3-м тысячелетии свидетельствует ряд надписей на сосудах и топорах, указывающих на династических правителей в этот период времени. К таким объектам относятся: бронзовая чаша из коллекции Форути (Тегеран), посвященная Нарамсину, знаменитому представителю семитской династии Аккада, жившему приблизительно в 2330 г. до н. э., чаша с посвящением Шаргали-Шарри, последнему царю Аккада (2200 г. до н. э.),

и топор с именем Аддапакшу из Суз, жившего в эпоху III династии Ура (немногим ранее 2000 г. до н. э.).

На самом деле между луристанскими бронзами, которые можно приписать самой ранней эпохе, и образцами, широко распространенными в Эламе, Месопотамии и еще более далеких областях, существуют очень незначительные различия. Вероятно, они были произведены первыми, часто переезжавшими с места на место, кузнецами кутиев и луллубеев, самых ранних народов, проживавших в горах Загрос и упомянутых в клинописных текстах.

Господство кутиев в Западном Иране и Ираке между приблизительно 2230-м и 2090 г. до н. э., как и на самом деле общее развитие цивилизации Ближнего Востока, в начале 2-го тысячелетия испытывало воздействие от последовательных вторжений кавказских народов. Сочетание лингвистических и археологических фактов знакомит нас с тремя такими основными передвижениями, каждое из которых, будучи в основном кавказского происхождения, было связано с группами людей или говоривших на индо-арийских диалектах, или имевших продолжительный контакт с индоарийскими народами из степей, расположенных севернее и восточнее Каспийского моря. Некоторые сами имели прямое индоарийское происхождение и сформировали правящую аристократию среди новых поселенцев. Один из таких народов, хетты, – ветвь, говорившая на индоарийском диалекте насили, – укоренились в Северной Анатолии. Затем, приближи-

тельно в 1800-е гг. энергичное перемещение людских масс привело в Центральный Загрос и на равнины, лежащие севернее и восточнее от места впадения в Тигр реки Диялы, народ касситов. Довольно мирным путем касситы установили свое верховенство и в XVII в. создали в Вавилоне династию, которой суждено было на удивление стабильно править вплоть до XII в. до н. э.

Хотя касситы не оставили дошедшей до нас литературы и не оказали значительного художественного влияния на Вавилонию, из касситских перечней, составленных вавилонскими писцами, мы узнаем, что их пантеон не только содержал имеющие арийскую форму имена, но и включал нескольких индоарийских богов.

И третья индоарийская миграция создала вокруг верховий реки Хабур поселения воинственных племен митанни, которые, быстро изучив ремесла оседлой цивилизации, установили в XVI в. феодальное господство над хурритским населением Северной Сирии, а позднее расширили его на Палестину. Среди митанни также были широко распространены арийские племена; они поклонялись божествам, чьи имена встречаются в Ригведе, и пользовались чисто санскритской системой счета.

Все три народа – хетты, митанни и касситы – в силу своего кавказского происхождения в совершенстве владели техникой обработки металла, в том числе знали железо, и испытывали страсть к верховой езде. Именно касситы приве-

ли в Иран и Месопотамию прекрасную породу лошадей, вытеснившую онагров, прирученных шумерами для тягловых работ, а любовь к лошадям митанни подтверждается многочисленными дошедшими до нас текстами с инструкциями по подготовке к скачкам. Разумеется, возвышенные, покрытые травой долины в горах Загрос и нынешнем Курдистане были идеальными местами для разведения лошадей и оставались таковыми до времен Ахеменидов. Некоторые коневодческие районы на этих территориях обеспечивали лошадьми персидскую армию, а до них ассирийцев, и владение землями, пригодными для разведения коней, играло важную роль в борьбе образующихся царств мидян и персов с их соседями-ассирийцами.

С появлением касситов работы по бронзе в Луристане получили новый импульс. Бронзовые изделия в начале 2-го тысячелетия по своему характеру были заметно связаны с лошадьми: кольца, направляющие поводья вдоль дышла колесницы, украшения сбруи и топоры в форме лошадиных голов с глазами и узелками заплетенной гривы на обухе преобладали в ассортименте мастера по обработке металла.

Ближе к середине 2-го тысячелетия, в то время, когда касситы находились на пике своего могущества в Иране и Месопотамии, наблюдается явный спад производства бронзовых изделий. Но период оживления, 1100 – 700 гг. до н. э., был, очевидно, наиболее продуктивен для луристанских бронз, и, кажется, новая концентрация касситов на их исконных зем-



лях в горах после вытеснения из Вавилонии, а также новый поток переселенцев с Кавказа приблизительно в 1000 г. до н. э. дали новый толчок работам по металлу, и в результате кузнец, по-видимому, приобрел что-то вроде статуса шамана или колдуна. Безусловно, наибольшее число бронзовых изделий появляется теперь из обширных одиночных или коллективных каменных могильников, где хоронили воинов или вместе с конями, или с удилами, сбруей, оружием и охотничьими амулетами, принадлежащими членам грубого и жестокого сообщества воинов-охотников. В то же время узнаваемые теперь связи между луристанской и кавказской металлургией наполнены хронологической и этнической значимостью.

Волны новых захватчиков, проникшие в Иран в последние годы 2-го тысячелетия, были, вероятно, приведены в движение общим возбуждением и давлением в южном направлении индоевропейских народов из центральных и Восточных европейских степей. Их перемещение привело дорийцев в Грецию, а фракийцев и фригийцев в Малую Азию. Народы, проживавшие в районе Восточного Причерноморья, почти наверняка были вытеснены на юг через Кавказ. Именно из этого самого района конечно же напал на Ассирию и захватил Малую Азию народ, называвшийся *гиммирами*, или киммерийцами. Как позднее узнал Геродот, киммерийцы жили потом по обе стороны Керченского пролива («Киммерийского Босфора» у греков). Их трудно распо-

знать на основании археологических раскопок, особенно на ранних стадиях европейского железного века, но мы, наверное, вправе применять термин «протокиммерийцы» без исключения к тем захватчикам конца 2-го тысячелетия, оказавшим впоследствии чрезвычайное воздействие на историю Ближнего Востока. Среди них были иранские племена, принесшие в Иран индоевропейский язык мидян и персов, опознанный по именам собственным в ассирийских документах, датированных уже VIII в. до н. э. В этот ранний период они смогли занять лишь области по периферии месопотамского мира; путь на запад в Сирию и Турцию им преградила новая сила – хурритские народы, поселившиеся вокруг озера Ван, которые с течением времени должны были сформировать царство Урарту и стать на ближневосточной сцене «мировой державой».



*Рис. 1.* Луристанский короткий бронзовый меч с соединенными затылками головами буйволов на головке рукоятки. VIII–VII в. до н. э. Длина – 14<sup>1</sup>/<sub>2</sub> дюйма. Национальная галерея Виктории.

Что касается луристанского оружия, то этот поздний период начинается с ряда кинжалов и коротких мечей вида,

распространенного в Вавилонии и Сирии (рис. 1). Многие из них несут на себе клинописные посвящения: несколько дюжин посвящены Навуходоносору I из Вавилона (1146–1123 гг. до н. э.), другие – царям II династии Исин (1158–1027 гг. до н. э.). Были ли они добычей из вражеских святилищ, возвращенным луристанским оружием, прежде захваченным и посвященным вавилонским и эламским захватчикам? Это предположение в какой-то степени находит подтверждение благодаря наличию топоров с узкими, кривыми лезвиями и шипами на обухе, представляющих характерный для Луристана тип и имеющих близкие по времени надписи. Все они хорошо подтверждают возобновление и рост работ по бронзе в конце XII в. до н. э. В результате новых переселений с Кавказа луристанская работа по металлу испытала серьезные внешние влияния. Она приобрела здесь отчетливое сходство с металлическими изделиями позднего бронзового и раннего железного веков из Кобана, Центральной Грузии, Армении и Азербайджана, а также российского и персидского Талыша с берегов Каспийского моря. Мечи талышского типа, кинжалы с конусообразными головками рукояток и бронзовые висячие украшения в форме бубенцов, раскрытых человеческих рук и миниатюрных животных. Цельные или ажурные, все они происходят от кавказских образцов, а висячие украшения имеют даже более дальнее родство – с изделиями позднего бронзового века Европы и предметами дорийцев, захвативших Грецию, Фессалию и Балканы

приблизительно в 1100 г. до н. э. То, что захватчики ездили на лошадях верхом, не только показано изображениями конницы на печатях и бронзе, но и подтверждается на «кладбище В» в Тепе-Сиалке изогнутыми псалиями двузвенных удилов, принадлежащими к «периоду I кавказского железного века», проколотыми коническими пуговицами типов, которые позднее были связаны с фрако-киммерийцами в Венгрии и на Украине.

В клинописных текстах зафиксировано, что нашествие собственно киммерийцев угрожало Урарту в 707 г., а Ассирии – в правление Ассархаддона (681–668 гг. до н. э.). Им может быть приписано появление в ассортименте Луристана ручек для оселков, плоских металлических чаш с приклепаннными ручками-петлями и U-образных застёжек для поясов со спиральными окончаниями. Все эти предметы имеют аналогии в конечной фазе (F или галынтат В) центральноевропейского бронзового века, начавшегося приблизительно в 800 г. до н. э., и в доэтрусской Италии того же периода.

Все заимствования у пришельцев и все нововведения вскоре преобразились, часто с утонченностью и изяществом, исконно луристанским «звериным» стилем (рис. 2). Псалии удилов отливались в форме крылатых лошадей, горных козлов, быков и кабанов, изредка в виде замысловатых групп фигур с несущим животных демоном или с животными вокруг священного дерева.

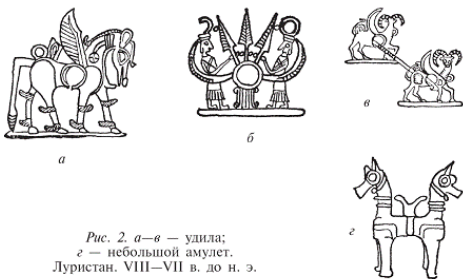


Рис. 2. а-в — удила;  
г — небольшой амулет.  
Луристан. VIII—VII в. до н. э.

Рис. 2. а-в — удила; г — небольшой амулет.  
Луристан. VIII—VII в. до н. э.

Горные козлы, лошади, львицы, пятнистые леопарды, возможно, и тигры были излюбленными животными для художников. Их выбрали не только из-за их тесной связи с жизнью иранского охотника — горный козел по-прежнему оставался «царской добычей», львы были известны в Месопотамии, леопарда, несомненно, знали в горах, а изящные лошади приручались и носили бубенцы на хомутах, — но также из-за космизма иранской религии, самым ранним свидетельством которой стали эти бронзовые изделия. На них показываются мрачные бородатые боги и злые рогатые демоны в сопровождении животных: горного козла, символа мужественности и господства, зверя из семейства кошачьих, представлявшего жестокость и страх, или лошади, символа богатства и высокого положения. Возникают и другие животные: небольшие олени, дикие козлы, медведи, зайцы, но одомаш-

ненные овцы и крупный рогатый скот встречаются редко. Эти группы животных и демонов, воспроизведенные на удилах, вотивных<sup>1</sup> булавочных головках и культовых штандартах, свидетельствуют об анимистических и шаманских верованиях, которые кочевые охотники выносили из контактов с природой. В этой религии человеческие отношения были тесно связаны с дикой природой, но постоянное повторение набора иконографических тем и определенная последовательность в выборе декоративных мотивов, разумеется, предполагает существование священной жреческой касты, для которых кузнецы были официальными «доверенными художниками».

Из литых металлических предметов наиболее замысловатыми являются так называемые «культовые штандарты». Каждый из них состоит из центральной человекоподобной фигуры, имеющей почти цилиндрическую форму высотой приблизительно девять дюймов, с обеих сторон которой располагается пара слегка изогнутых рельефных животных семейства кошачьих, тянущих головы к голове стоящей между ними человекоподобной фигуры. Обычно эта фигура, раскидывая руки, сжимает кошачьи шеи, а к их спинам часто прикреплены второстепенные животные (собаки или хищные птицы). Таким образом формируется единая и не лишенная изящества группа (рис. 3). Известно более 50 культовых штандартов, и в большинстве предметов центральная

---

<sup>1</sup> Посвященные богам предметы культа.

человекоподобная фигура обладает женскими или, по крайней мере, двуполыми чертами. Иногда она кладет руки себе на грудь в позе плодovitости; она господствует над царством животных и вскармливает их, как львов (царей зверей) и ястребов, так и собак, преследующих львов и поддерживающих, так сказать, равновесие в природе. Это космическая фигура, и мы, не погружаясь слишком глубоко в неизвестность, должны считать ее воплощением главного животворного принципа для богов, людей и животных. Ее плодovitость символизируется рогами муфлона или фаллическим наконечником на голове, ее материнство – человеческими головами (три или большим числом), прикрепленными ниже, головами, представляющими либо низших членов в божественной иерархии, либо человеческую или божественную жизнь, происходящую из ее лона.



*Рис. 3. Бронзовый культовый штандарт из Луристана.*

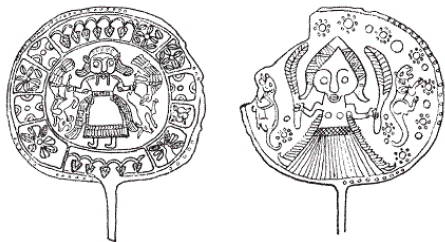
VIII–VII в. до н. э. Высота -1 <sup>1</sup>/<sub>2</sub> дюйма. Художественный музей Цинциннати.

Абсолютно иной аспект поздней луристанской культуры, важный для прояснения картины доисторических истоков мидийской и ахеменидской цивилизации, был открыт при раскопках храма в Сурх-Думе. Там в 1938 г. Э. Шмидт раскопал примитивное здание с многочисленными пожертвованиями *ex-voto*, главным образом булавок с круглыми головками-дисками, имевшими рельефные украшения, которые относятся к иконографической традиции, существенно отличающейся от литых металлических изделий (рис. 4). Эти булавки, как и выпуклости в центре щитов и пряжки для поясов, теперь хорошо известны; значительное их число обнаружено в Сурх-Думе, Кух-и-Даште и в окружающем равнину Пиш-и-Кух районе южнее Кермана. Вопреки обычно высказываемой гипотезе они показали, что мастера, создававшие булавки, частично были знакомы с такой же жизнью охотников и с теми же самыми демонами, что и литейщики по металлу: можно легко указать на некоторые аналогии в мотивах и одежде. Тем не менее искусство создания булавочных головок и других предметов, выполненных гравировкой или чеканкой по металлу, было преимущественно искусством жреческой касты, которую интересовали изображения космических верований и религиозных церемоний. Стил этих изображений находился под некоторым воздействием искусства



Ассирии, привлекал методы, которые, как известно теперь, не ограничивались одним Луристаном, но также практиковались в персидском Курдистане, Азербайджане и в долинах Эльбруса к югу от Каспийского моря, и включал элементы дизайна из металлообрабатывающих центров Урарту на озере Ван. Современные данные указывают, что декоративные и иконографические элементы, свойственные булавам и пластинам стиля Сурх-Дума, гораздо больше распространены в горных долинах Западного Ирана, чем луристанские литые изделия, но подробнее их значение будет обсуждаться в следующей главе.

Чтобы поместить эту древнейшую рельефную отделку металла в среду доахеменидской цивилизации, достаточно обрисовать вероятную интерпретацию изображенных на изделиях групп индоарийских религиозных тем. Рене Дюссо первым разглядел на булавочных головках и поясных пластинках изображение праздника *хаомы* и специфических культов бога Митры; он осознал, что некоторые фигуры держат *барсомы*, пучки священных ветвей, которые носили с собой верующие до эпохи зороастризма.



*Рис. 4.* Бронзовые вотивные булавки. Сурх-Дум. VIII–VII в. до н. э. Диаметры – около 3 дюймов.



*Рис. 5.* Колчан с рельефом. Кух-и-Дашт. Метрополитен-музей, Нью-Йорк. Высота – 21 дюйм.

Как свидетельствуют дошедшие до нас немногочисленные

литературные произведения касситов, дополненные массой теофорических имен собственных, они поклонялись богам солнца и войны «Ригведы», Сурье и Маруте, Бурье, богу бури, и, возможно, ведийскому Индре, также упоминаемому в митаннийских текстах. Они разделяли тройную иерархию божеств ранней ведийской религии (подразделявшихся на богов неба, воздуха и земли), которую позднее одухотворил зороастризм. Луристанская бронзовая пластина с колчана из Кух-и-Дашта с ее тремя полосами, изображающими божественные фигуры, очевидно, должна иллюстрировать эту концепцию (рис. 5). Боги-близнецы на верхней полосе (небо) – вероятно Митра (Митрас) и Варуна, тесно связанные верховные боги мирового устройства. Митра изображен со своим космическим быком, Варуна – с небольшим квадратным алтарем огня. Под ними на центральной полосе (воздух) находится Индра, глава ведийских марут, богов силы, бури и войны. Индру, как и в «Ригведе», здесь тоже сопровождают львы и хищная птица (*сенъя*), и, поскольку Индра равносильен богу войны и охоты Нинурте из аккадских текстов, чтобы продемонстрировать свою второстепенную роль бога охоты, он держит двух убитых козлов. На нижнем элементе композиции (земля) показаны близнецы-Насатти, целители, восстановители здоровья и боги плодородия. Здесь они изображены в процессе омоложения старика Чьяваны, держащего свою новую, хорошо причесанную голову и собирающегося поместить ее на место.



*Рис. 6.* Ножны с рельефной отделкой. Луристан. Частная коллекция. Высота – 24 дюйма.

Повторение этого тройного разбиения поля на похожие части показывает, что даже если космическая интерпретация ошибочна, то, по крайней мере, объяснение этих тем лежит в плоскости, полностью чуждой месопотамской религии. То же самое можно сказать о чаще представленной и более спорной теме: рогатый и бородатый бог в просторном платье и с повисшими крыльями несет на плечах две одинаковые фигуры людей или драконов и в то же время держит в протянутых руках побеги растений (рис. 6). Наиболее полно эта фигура представлена на серебряной полоске из Музея Цинциннати, но известны и другие подобные изображения –

на булавочных головках и выпуклостях в центре щитов.

Мисс П. Акерман так объяснила центральную фигуру пластины из Музея Цинциннати. На ней изображен великий бог-отец, равнозначный ханаанскому Элю, быку и горному богу. Он порождает Ашвинов, соответствующих в Индии классическим Диоскурам, Кастору и Поллуксу. Как их классические двойники, Ашвины показаны при появлении на свет из яиц в окружении верующих в «трех возрастах человека» — ползающих на четвереньках детей, стоящих молодых людей и бородатых старцев, держащих длинноствольные пальмы, которые, по-видимому, служили в луристанском искусстве характерными знаками божественности. Однако профессор Гиршман считает, что центральная фигура принадлежит Зурвану, иранскому богу-отцу и богу времени, представленному здесь дающим жизнь двум асурам — противостоящим друг другу принципам добра и зла.

Обе интерпретации оставляют без объяснений многие детали и вынуждают нас устанавливать культурные и хронологические связи, но в то же время мы можем быть уверены, что за этими в высшей степени устойчивыми изображениями стоит иранский дуализм.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.